

**П.А. Скобликов. АРБИТРАЖНЫЙ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕССЫ:
КОЛЛИЗИИ В СФЕРЕ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.
М.: Норма, 2006. 144 с.**

Общую направленность рецензируемой монографии можно уяснить из очень ёмкого предисловия. Указывая на актуальность проблемы разрыва правовой связи явлений и процессов, автор исходит из того, что ярким примером этого являются коллизии между арбитражным и уголовными процессами. Причем это такие коллизии, «которые не укладываются в традиционные классификации и схемы, зачастую ведут в правовой тупик, когда нет предусмотренного законом выхода из создавшейся ситуации» (с. 7).

Характер коллизий и соответствующие нормы права предопределили наименование глав работы и их содержание, а также анализируемые случаи указанных тупиковых ситуаций. Для юриста последние будут интересны не только обозначенными проблемами права, но их практическим отражением, связанным с фальсификацией доказательств, приостановлением производства по делу, преюдициальностью судебных актов различных судов, истребованием доказательств, находящихся в материалах возбужденного уголовного дела, и с некоторыми другими вопросами, возникающими на «стыке» действия ряда правовых норм, в том числе касающихся трех процессуальных кодексов (АПК, УПК, ГПК) и отраженных в Конституции России, а также в Уголовном кодексе.

Примеры из правоприменительной практики, приведенные в различных главах работы, являются яркими, но здесь были бы уместны хотя бы приблизительные количественные данные о степени распространенности соответствующих случаев. Таких данных в работе нет, поэтому термин «яркий пример» вполне может восприниматься как обозначающий нетипичный факт. Это прежде всего касается рассматриваемой в третьей главе (с. 37–52) необходимости и возможности истребования и получения арбитражным судом определенных документов, приобщенных к материалам возбужденного уголовного дела.

Подобные случаи в целом довольно редки, среди них только часть связана с конфликтными ситуациями и действительным влиянием обозначенных коллизий. И речь здесь должна идти не об истребовании в целом материалов уголовного дела (это скорее единичный казус, который рассматривает автор), а об отдельных и конкретных документах. Очевидно, что достаточно абсурдным стремлением «копаться» в упомянутых материалах в надежде что-то обнаружить судьи, как правило, не страдают. Имеется интерес к конкретным документам, обусловленный обычно доводами сторон, которые предпочитают четко указать на определенные и необходимые документальные сведения и доказательства. Последние должны обладать свойствами относимости и допустимости (ст. 67, 68 АПК РФ). Из всего этого следует, что обозначенная автором проблема больше умозрительная, чем жизненная.

В целом анализируемые аспекты деятельности арбитражных судов, особенности применения процессу-

ального законодательства и норм материального права скорее подчеркивают не только и не столько коллизии права, сколько его пробелы. В связи с этим название работы не совсем точно отражает ее содержание.

Кроме того, в ряде случаев автор либо не упоминает, либо указывает в весьма общих чертах связи с вопросами толкования норм права, организационными проблемами правоохранительных органов и судов. Не исключено, что именно их рассмотрение позволило бы выявить доминирующее влияние иных детерминант анализируемых явлений, которые лежат вне плоскости права, его пробелов и коллизий применительно к анализируемым ситуациям.

Исходной мыслью исследования можно считать утверждение о том, что возникшие в процессуальном законодательстве новации «оставляют в тени ряд изменений, происшедших на стыке гражданского и уголовного судопроизводства в связи с принятием АПК 2002 г. и нового Уголовно-процессуального кодекса» (с. 8).

В дальнейшем по тексту работы термины «гражданский процесс» и «арбитражный процесс» используются как идентичные и взаимозаменяемые. Однако, по своему содержанию арбитражный процесс не является гражданским, хотя и близок к нему. Это связано не только с тем, что нормы Гражданского и Арбитражного процессуальных кодексов имеют существенные отличия. Законодатель сознательно отделил ряд категорий дел (в силу преобладания в них публичного начала) от тех, которые вытекают из гражданских правоотношений, поэтому нельзя игнорировать существование особого порядка рассмотрения споров, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений, специфика которых (применительно к целям исследования) в работе не рассматривалась.

Вполне допустимо, что обозначенный выше момент в использовании терминов «гражданский процесс» и «арбитражный процесс» возник в связи с обращением к ч. 1 ст. 303 УК РФ, которая действительно применяется ко всем случаям фальсификации, установленным в связи с конкретными арбитражными делами, но это не устраняет упомянутую терминологическую неточность. Такая погрешность еще более очевидна с нормативно-правовой точки зрения, так как ст. 118 Конституции РФ предусматривает существование административного судопроизводства. По факту последнее имеет место в арбитражных судах, так как по спорам, вытекающим из административных правоотношений, применяются специальные процессуальные нормы (например, ст. 189, 191, 197, 202, 207, 212 АПК РФ), а по некоторым категориям дел – нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Наиболее актуальна и интересна гл. 4 рецензируемой работы («Последствия фальсификации доказательств в гражданском деле по Арбитражному про-

цессуальному, Уголовно-процессуальному, Уголовно-му кодексам”), которая посвящена соответствующим практическим и правовым последствиям подачи и рассмотрения заявления о фальсификации доказательств, специфике взаимодействия и применения ряда норм права, связанной с такими заявлениями. Для юриста-практика значение этого материала должно быть обусловлено широкой распространенностью применения ст. 161 АПК РФ в современной судебной практике.

В упомянутой главе наиболее спорны и категоричны следующие утверждения автора: “...заявление о фальсификации доказательства – это не сообщение о его недоброкачественности”, а “заявление об умышленном преступлении” (с. 53), рассмотрение которых в арбитражном процессе “можно сравнить с лечением туберкулеза при помощи бинта и йода” (с. 58); отсутствие обязанности направления в правоохранительные органы указанного заявления “в неявной форме узаконивает укрывательство судьями преступлений и попирает принцип неотвратимости наказания” (с. 58).

В работе проявляется несколько специфичное и недифференцированное использование и восприятие термина “фальсификация доказательств” применительно к арбитражному процессу и уголовному праву. Целесообразно было бы уяснить содержание соответствующих понятий в этих отраслях права¹, их назначение через призму основных целей соответствующей сферы законодательства и процесса доказывания. Следует, как минимум, попытаться допустить существование соответствующих вариантов, в частности, связанных с определением субъекта ответственности, объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, принять во внимание различие заявлений о совершении преступления и о фальсификации доказательства по направленности и субъектному составу органов, которым они адресованы.

Обозначенный выше вывод о фактически санкционированном укрывательстве преступлений больше относится к вопросу о том, кто такой вообще федеральный судья. Федеральный судья – прежде всего обычный гражданин, обязанный сообщить о преступлении, или должностное лицо, осуществляющее правосудие? Обязанность сообщить о факте совершенного преступления может быть установлена законом или подзаконным актом, в том числе актами внутрисистемного характера. Такого регулирования в настоящий момент нет и именно эта проблема обозначена автором, когда он ставит вопрос о совершенствовании ст. 161 АПК РФ и практики ее применения, фактически указывая на определенные недостатки и должный вариант соответствующей процедуры (с. 58, 84–85).

Безусловно, рецензируемая работа имеет “выходы” на ряд социально-правовых проблем, которые связаны с такими общественно опасными явлениями как коррупция, рейдерство (корпоративные захваты),

организованная преступность, воспринимаемыми через определенные аспекты деятельности государственных органов, в том числе судебных, призванных противодействовать правонарушениям в сфере экономики. Все это обоснованно и убедительно отражено автором.

Однако ряд выводов и рекомендаций юристам-практикам, в частности, обозначенная неконституционность ст. 161 АПК РФ и целесообразность обращения в связи с этим в Конституционный Суд, указания на должный вариант применения этой статьи судьями (с. 62–63, 84–85), выглядят, как минимум, чрезмерно смелыми и категоричными. Автор не принимает в расчет, что осторожность в любой мало разработанной области исследований может быть полезным отправным моментом или общим негласным правилом. В особенности когда возникшая в связи с проведенными изысканиями работа имеет практическую направленность.

В науке, в отличие от искусства, творчество имеет определенные рамки, очерченные не только конкретной частью объективной действительности, но и достижениями конкретной области научного знания, неприменение которых, как и применение парадигм и положений, отличных от существующих, должно быть обоснованным и оправданным. Межотраслевые правовые исследования, как никакие другие, нуждаются в выводах, основанных на системном анализе теоретических позиций соответствующих отраслей юридической науки. В плане арбитражного процесса этого в работе почти нет, что, наряду с незначительностью и эпизодичностью анализа необходимого массива судебной практики, представляется одним из главных упущений автора.

Результаты исследования, несмотря на категоричность и абсолютизацию ряда выводов и рекомендаций, носят интересный и многоплановый характер и могут служить отправным ориентиром для близких по тематике научных изысканий. Вместе с тем, их можно отнести в значительной своей части к разряду предварительных, нуждающихся в отборе и анализе достаточного количества фактов судебной и иной практики, в проработке обозначенных проблем с организационно-правовых позиций. По этой причине выглядят несколько преждевременными попытки автора совместить научную цель исследования с чисто практической, связанной с формулированием в гл. 2, 3, 4 рекомендаций юристам-практикам, а также тем семинаров, о которых читатель может составить представление, обратившись к приложению № 2 рецензируемой работы (с. 136–141).

Общее впечатление от содержания представленного научного труда все же положительное. Имеющиеся издержки, в большей их части, вполне можно и нужно отнести на счет трудностей любого межотраслевого исследования и всегда существующей возможности коррекции полученных результатов.

Рецензируемая монография привлекает внимание не только содержанием, но и оригинальностью, довольно легко читается. Она безусловно представляет интерес для юристов именно как межотраслевая по содержанию и дает определенные ориентиры в очень специфической и “стыковой” области исследования. Это, в свою очередь, позволяет “оторваться” от иллюзии самодостаточности определенных юридических наук, шире воспринимать существующую правовую реальность.

В.В. Тихомиров, канд. юрид. наук

¹ Отсутствие соответствующего понятия в АПК РФ, на которое ссылается в своей работе П.А. Скобликов, взятое им за исходную точку анализа соответствующих вопросов (с. 54), является, по мнению рецензента, зыбкой основой для вывода об идентичности уголовно-правового и процессуального понятия фальсификации доказательств. В частности, следует учитывать определенные наработки практики, прежде всего на уровне постановлений кассационных инстанций, а также наличие соответствующего определения в комментариях к АПК РФ.